

АРТУР ВЕРСЛУИС

ФИЛОСОФИЯ МАГИИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2026

УДК 133.4
ББК 86.42
В31

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с английского — Евгения Истомина.

Редакция перевода и примечания — Олег Молотов.

Верслус, А.

В31 Философия магии. / Пер. с англ. — М.: Тотенбург, 2026. — 202 с.

Предметом этой работы являются магия и алхимия, рассматриваемые не как оккультные практики или суеверия, а как неотъемлемые аспекты традиционной духовной культуры, укорененные в герметической космологии и философии. Автор — американский эзотериолог Артур Верслус — утверждает, что подлинная магия основана на сопереживании и всеобщей гармонии между человеком и космосом и может быть правильно понята только в контексте великих религиозных традиций. Верслус демонстрирует, что отрыв магии от традиции ведет к ее искажению и опасному увлечению «психическими» феноменами, что в конечном счете может привести не к «новой эпохе», а к духовному падению. Книга, впервые вышедшая в 1986 году, прослеживает мировое единство магических и алхимических учений — от неоплатонизма и герметизма Возрождения до даосизма, буддизма и суфизма. Автор подчеркивает, что истинная цель магии — не обретение власти или богатства, а внутреннее преобразование, реализация высшего Ума (Нуса). Издание включает иллюстрации из трудов магов Возрождения, а также приложения с магическими таблицами и печатями. Это глубокая работа, предостерегающая от поверхностного интереса к «сверхъестественному» и возвращающая магии ее истинное место как естественного проявления духовного пути.

**УДК 133.4
ББК 86.42**

© Евгения Истомина,
перевод с английского, 2026

© Олег Молотов,
редакция перевода, примечания, 2026

© Издательство «Тотенбург», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
БЛАГОДАРНОСТИ	11
ВВЕДЕНИЕ	12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	24
УМ.....	24
РИТУАЛ И КОСМОЛОГИЯ	34
О РИТУАЛЬНЫХ ПОЗАХ И ЖЕСТАХ	51
ПРИРОДНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ.....	61
СЕТЬ БЫТИЯ	76
ИНВОКАЦИЯ.....	86
ЖИВЫЕ ЗВЕЗДЫ.....	97
АЛТАРЬ И СУЩНОСТЬ	110
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	114
ИЗЛУЧЕНИЕ МАГИИ.....	114
ЦАРСТВО ПСИХИКИ.....	118
ТАЛИСМАНЫ, ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО.....	122
ПРИСПОСОБЛЕНИЕ И БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ	129
ИЗНАЧАЛЬНОЕ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ	138
ОГОНЬ И ИНВЕРСИЯ МАГИИ	147
ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ К ОСВОБОЖДЕНИЮ	153
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	159
АЛХИМИЯ.....	159
АХИЛЛЕСОВА ПЯТА.....	179
ПОСЛЕСЛОВИЕ	187
ПРИЛОЖЕНИЯ	193
Приложение I. Планетарные таблицы и сигилы.....	193
Приложение II. Природный календарь Иоганна Тритемия (<i>Johannis Tritemei</i>), наставника Агриппы	198
Приложение III. Герметическое посвящение.....	199

Магия — это книга всех ученых. Всему, что надлежит изучить, должно предшествовать изучение магии, будь то высокое или низкое искусство. Даже крестьянин в поле должен пойти в магическую школу, если хочет воздвигать свою землю. Магия есть наилучшее богословие, ибо в ней истинная вера и укоренена, и обретена. И глуп тот, кто поносит ее, ибо не знает ее, и хулит и Бога, и самого себя, и он скорее шут, нежели понимающий богослов.

Якоб Беме

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде чем приступить непосредственно к данному исследованию, необходимо прояснить несколько моментов, не в последнюю очередь касающихся того, как магия и алхимия соотносятся с нынешней эпохой, а также с традиционными культурами. Само собой разумеется, что настоящая работа опирается на эти предметы исключительно в том виде, в каком они предстают в традиционных культурах, неотъемлемой частью которых являются. Однако поскольку наше нынешнее общество какое угодно, только не традиционное, и поскольку традиционные структуры, или «мезокосмы», в недрах которых возникли и передавались магия и алхимия, более не существуют, эти дисциплины предстают перед нами изолированно, так сказать, вне контекста, и поэтому мы рассматриваем их с низшей точки зрения — скорее как феномены, явления, а не аспекты изначальной культуры.

Таким образом, настоящая работа представляет собой попытку показать место магии и алхимии в структуре изначальной культуры, излагая кое-что из традиционной космологии, на которой они основаны, и соотнося их с ней. Иными словами, это, в сущности, *ретроспектива*, поскольку прогрессирующее разрушение традиционных культур неизбежно влечет за собой и прогрессирующее исчезновение этих аспектов традиции. На самом деле это крайне важный момент: каким бы странным это ни казалось на первый взгляд, магия и алхимия не могут существовать сами по себе вне традиционной культуры и без «защитной раковины» ортодоксальной религии, с которой они неизбежно связаны. По этой причине, в той мере, в какой магия и алхимия существуют вне традиции,

они (как и сама ортодоксальная традиция) все более подвержены злонамеренным и inferнальным влияниям, проявляющимся в алчности в первом случае и в ненависти — во втором¹.

Становится понятно, почему любые аномальные вторжения в эти области в наше время с большой вероятностью вовлекают человека в силы, которые не назвать иначе, как inferнальными, поскольку «защитная раковина» традиции более не распространяется на подобные занятия в целом. Из-за ослабляющих влияний современного общества и того, что стоит за ним, она защищает в основном лишь тех, кто находится в определенных границах. Необходимо также подчеркнуть, что хотя в данном исследовании мы рассматриваем магию и алхимию в их высших проявлениях как побочные продукты или аспекты духовной дисциплины в традиционных культурах, порождение необычных явлений ни в коем случае нельзя считать показателем духовного «прогресса», ибо такие эффекты принадлежат чувственному миру, природа которого в традиции рассматривается как *майя*, как обман. И учитывая, во-первых, склонность нашей нынешней эпохи к слепоте ко всему, кроме мира феноменов, во-вторых, изначально обманчивую природу этого мира и, в-третьих, пророчества из Шурангама-сутры и Нового Завета, касающиеся тех, кто при возможности будет обманывать при помощи чудес даже избранных, несомненно, мудрее всего будет как можно ближе держаться тех ортодоксальных религиозных традиций, которые только и способны продолжать поток изначальной Традиции.

Хотя мы здесь привели примеры из традиционной литературы, чтобы проиллюстрировать традиционную

¹ Здесь полезно рассмотреть отношения между магом и католической церковью в позднем Средневековье — время, предвещавшее всеобъемлющее смятение, слепоту и хаос нынешней эпохи, — которое служит хорошей иллюстрацией к сказанному.

космологию, лежащую в основе подобных феноменов, эти примеры — всего лишь примеры, ибо во всех восточных учениях говорится, что на Пути могут встречаться феномены, но цепляться за них, придавать им самоценность не стоит: это великое препятствие. Всегда следует помнить, что трансцендентное по определению находится за пределами характеристик явлений, тогда как «сущность», так сказать, Заблуждения — это искажения и иллюзия.

В настоящее время мы наблюдаем поверхностную реакцию на грубый материализм, долгое время превалировавший на Западе. Эта реакция, будучи обусловлена господствующим картезианским дуализмом, принимает форму, признающую все нематериальные области духовными и благостными. Эта тенденция отмечена *привязанностью* к «феноменам» и вполне может привести — поскольку современная эпоха и состоит в «отвердевании», закрытии от божественной защиты, которой традиционные культуры наделяли принадлежавших к ним людей, — к высвобождению низших или inferнальных сил «из цепей», от которых у современного человека практически нет высшей защиты, ибо он отрезал себя от всего традиционного.

Учитывая нынешние тенденции и условия, нетрудно предположить будущее слияние манипулятивной науки и размножающихся ложных традиций или контртрадиций — предвосхищаемое «парапсихологией» и появлением компьютеров и искусственного интеллекта, с одной стороны, и ложным мистицизмом или псевдомистицизмом — с другой², что может привести только к полному

² Оба этих явления — манипулятивная наука и контртрадиция — характеризуются прежде всего одной тенденцией: попыткой эго или психики присвоить себе функции, которые являются трансцендентными или божественными, — попыткой, которую лучше всего определить словом «сатанинская»: иными словами, «человеческое» узурпирует место Божественного, пытается стать Творцом. Ложная мистика контртрадиции ведет к хаосу и растворению самости; наука ведет к солипсизму — но в конечном счете это, так сказать, одно и то же. Соединение обоих явлений можно увидеть в современных попытках объединить, казалось бы, бесконечные «частности» физики с саморастворением ложной мистики.

солипсизму (насколько возможна такая абсолютная иллюзия) и к окончательному распаду или атомизации, которые завершат нынешнюю маха-югу, или Великий Год.

Учитывая все это и также не забывая, что на исходе эпохи даже люди с лучшими намерениями подвержены наихудшим влияниям, мы можем лишь прилагать все возможные усилия, чтобы удержаться на Пути, опираясь на подлинную Традицию в качестве ориентира.

Итак, мы приступаем к нашему исследованию — однако не забывая, что мы обращаемся к магии и алхимии не с точки зрения мрака нынешней эпохи, но лишь в контексте традиционных культур и как к побочным продуктам духовного пути и Изначальной Традиции, которая составляет суть этих культур³. Ибо без этой Традиции они столь же полностью потеряны для нас, как и мы сами.

³ Именно с этой целью мы выбрали название данной работы: слово «философия» подразумевается не в его нынешнем вырожденном смысле простого абстрактного рассуждения, а в его первоначальных значениях как «влечение к мудрости» и, в более широком смысле, «применение» мудрости или ее «влияние на жизнь» — оба превосходно описывают природу магии в изначальной культуре. Аналогичным образом слово «магия» относится к божественному средству и симпатической гармонии, которая естественна для изначальной традиции — переданной на Западе как «герметизм» — и ни в коем случае не следует путать это с ее инвертированным образом, который виден в «колдовстве», «психизме» и современных распространителях ложной традиции и ложной мистики, бесчисленных псевдогуру и так называемых «учителях» и «главах орденов». Эта возникающая «контртрадиция» лишь усиливается по мере того, как люди начинают осознавать бесплодность чисто «материалистического» существования, опираясь на высоко чтимые заблуждения «эволюции» и «прогресса»; она обещает «новые силы» «новому человеку» в «новой эпохе», но на самом деле ведет людей вниз, к подсознательному и недочеловеческому, к слиянию и растворению в океане Хаоса — полной противоположности воссоединения с Божественным в центре изначальной традиции.

БЛАГОДАРНОСТИ

Среди людей, чья помощь была неоценима при подготовке этой работы, — Деннис Келлер, которому я благодарен за советы, наблюдения и дружбу, — а также Барбара Верслуис — за иллюстрации и ее терпение, без которых книга не обрела бы свой нынешний вид.

Необходимо также выразить благодарность издательству Мичиганского университета за разрешение цитировать их издание «Шести теософских пунктов» Якоба Беме, а также издательству *Akademische Druck- und Verlagsanstalt* за любезное разрешение воспроизвести иллюстрации из их прекрасного издания «Оккультной философии» Генриха Корнелия Агриппы под редакцией Карла Новотны (Грац, 1967), хотя большинство иллюстраций, за исключением таблицы соответствий и календаря Тритемия, были адаптированы Б. Верслуис.

Также издательством Йельского университета было предоставлено разрешение на воспроизведение сигиллов и мантры, взятых из книги «Учения даосского мастера Чжуана» Майкла Сэйсо (Нью-Хейвен, 1976). Иконографические рисунки и соответствия тибетского буддизма были смоделированы по образцу работ Пьера Рамбаха в книге «Тайное послание тантрического буддизма» (Нью-Йорк, 1979).

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении веков магия и алхимия подвергались сильному остракизму. В настоящее время они во многом отброшены и преданы забвению как порождения прошлого, пережитки времен и культур, которые давно уже вытеснены логикой в триумфальном шествии современного человека к очевидно светлому будущему, пусть и отмеченному, так сказать, страхом, распадом и разрушением. И нет сомнений в том, что, учитывая обстоятельства современной эпохи, лучше бы магию и алхимию продолжали считать простым суеверием, нежели практиками, которыми можно заниматься без защитного покрова традиции. Но из-за разлагающего воздействия, которое и составляет современную эпоху — из-за того, что остатки магических и алхимических текстов и учений все еще существуют, но «отделены» современными наблюдателями от их более широкого традиционного контекста, — возникла ситуация, в которой магия и алхимия рассматриваются как самодостаточные дисциплины, а не проявления, возникающие при следовании традиционному религиозному Пути.

Как следствие, сегодня мы наблюдаем возникновение ситуации, которая таит в себе величайшую опасность для тех, кто, заблуждаясь, оказывается вовлеченным в «псевдотрадиционный мистицизм» или «неошаманизм», не осознавая, что, по причинам, которые мы обсудим далее, это, по сути, не что иное, как «перевернутые» образы традиционного — буддийского, исламского или христианского, способные привести к тому, что душа (*psyche*) безвозвратно заблудится в лабиринтах «второго мира»⁴.

⁴ Христианское выражение «потеря души» (греч. *psyche*) соответствует вполне реальному состоянию — то есть душа теряется в иллюзии и в конечном счете «растворяется».

Отсюда возникает необходимость исследовать философию и космологию, на которых основывалось магическое и алхимическое видение мира, дабы это видение можно было воспринимать целостным — в том виде, в котором оно возникло и передавалось в традиционных культурах, а не «обезглавленным» и питающим иллюзию эго и заблуждения души, как в настоящее время. Ибо хотя существует великое множество книг по истории и внешним составляющим ритуала, по преданиям и поверхностным аспектам магии и алхимии — написанных доброжелательно, враждебно, с насмешкой или наоборот, всерьез, — практически все они оставляют читателя неудовлетворенным: читая их, понимаешь, что за исканиями алхимиков и ритуалами магов, несомненно, скрывалось нечто более чем существенное. Но что именно?

Думается, то, что нам нужно нечто большее, чем очередное краткое руководство или история, а именно — исследование алхимического и герметического видения во всей его полноте, дабы магия и алхимия предстали в своем подлинном виде: не как самоцель, и не как средства для достижения какой угодно цели, но скорее как естественные следствия и символика традиционной духовной практики. Именно это мы и стремимся сделать в данном исследовании, хотя и отнюдь не претендуем на исчерпывающую полноту. Ибо само собой разумеется, что занятие магией и алхимией ради них самих, будь они средством или целью, принадлежит царству эго, желания; поэтому действительно парадоксально то, что лишь после отказа от такого занятия в пользу традиционного духовного пути открывается истинная магия, истинная алхимия — в преображении самого себя⁵.

⁵ В том же духе: погоня за продлением жизни или «обретением силы» индивидом в псевдотрадиции в конце концов ведет к его растворению, тогда как подлинная традиция ведет к его «расцвету», к раскрытию его божественной природы в индивидуальности.

Именно связь того, что мы называем магией и алхимией, с этим духовным преображением и может само по себе дать их целостное понимание, ибо оба являются лишь проявлениями пути к тому, что «одно только нужно»⁶. На то, что это так, указывает уже следующее простое обстоятельство: магия и алхимия встречаются по всему свету, во всех традиционных культурах — в удивительно схожих проявлениях, демонстрируя единоеобразие, которое в конечном счете может проистекать лишь из единственной объединяющей цели этих культур: духовной реализации.

Хотя для нас — скованных дуалистическим, картезианским взглядом на бытие как состоящее из чисто физического и из серий внешних совпадений — трудно правильно понять более органичное и единое видение традиционных культур, на Западе выраженное герметической традицией, именно это видение является наиболее необходимым, ибо лишь в рамках такой традиции возникли магия и алхимия, и лишь в нем они могут быть поняты.

Распространенным современным допущением уже давно является то, что магия и алхимия были в лучшем случае лишь беспорядочными наборами суеверий, составленными людьми, не понимающими рациональных, физических законов. На самом деле магия и алхимия основаны на надрациональных законах и принципах, о которых современный человек обычно не подозревает. Короче говоря, пропасть между современными убеждениями и взглядами традиционных культур возникла не из-за предполагаемого невежества последних — которые, по правде говоря, были озабочены происходящим в физическом мире далеко не так сильно, как своим (и нашим) небесным Истоком. Эта пропасть в значительной степени проистекает из общего затмения пифагорейского, герметического и

⁶ «Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно» (Лк. 10: 41–42). — *Прим. ред.*

неоплатонического понимания космоса, в недрах которого возникла и передавалась далее западная магия.

В западном мире можно проследить отчетливую историческую модель разделения (*di-vision*), расщепления, можно сказать, на два лагеря: с одной стороны, есть ортодоксальная религиозная форма, склонная игнорировать необходимость индивидуального духовного преобразования, а с другой — одинокий маг или алхимик, склонный игнорировать необходимость традиционной религиозной формы. В результате оба пошли материалистическими или эгоистическими путями: Церковь распространила свое влияние в политическую и экономическую сферы, а отдельные маги или алхимики часто ошибочно искали личной силы и богатства, рассматривая магию или алхимию как средство к достижению целей, а не следствие, зависящее от высшей цели изначальной традиции и заключенное в ней. В итоге это расхождение привело к грубейшим искажениям: церковь стала отождествляться с теми, кто в крайнем проявлении своей власти убивал сотни тысяч обвиненных в занятиях магией (смещение духовного авторитета с мирской властью), в то время как алхимия и магия стали восприниматься как алчные попытки превращения свинца в золото в буквальном смысле, либо обретения богатства и власти, либо оказания вредоносного влияния. Обе тенденции проистекают из одного и того же ложного овеществления и последующей поляризации того, что внутри традиционной культуры было единым и гармоничным. Но тот лишь факт, что две крайности в конце концов стали походить на карикатуры друг на друга, не означает, что изначально, и во всех традиционных культурах, они не были аспектами одного и того же сущностного духовного преобразования, где магия была лишь одной из множества дисциплин, подчиненных этому преобразению, алхимия —

ее символическим языком, а ортодоксальность учения — ее формальным выражением.

На самом деле любой человек, начавший двигаться к более глубокому пониманию мироздания, либо молчаливо, либо открыто принимает магический взгляд на бытие. От пифагорейцев до даосов, от тибетского буддизма до индуистского тантризма, от платоников до суфиев — магия и алхимия сокровенно связаны с сердцем учения, являясь лишь внешними выражениями внутренней духовной трансформации — так сказать, побочными продуктами. Даже такой последователь Аристотеля, как Авиценна⁷, как было продемонстрировано, облакал свою суфийскую мысль в перипатетические термины. И лишь сейчас мы заново открываем, что суть Возрождения заключена в трудах Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолы, Генриха Корнелия Агриппы, Джордано Бруно, Раймонда Луллия, д-ра Джона Ди и Эдварда Келли⁸. Именно эти герметические «маги» оказались теми, кто обнаружил и популяризовал сочинения греков — неоплатонические и пифагорейские — в своих поисках и раскрытии традиционных учений в той мере, в какой они еще существовали на Западе. Их целью, как это, в частности, демонстрируют обращения Пико и Бруно к Папе, было воссоединить ортодоксию и магическое мировоззрение в рамках изначальной герметической традиции.

Однако этому не суждено было сбыться. И потому современный, плоский взгляд на мир как на внешнюю массу материи, развившуюся из хаоса, со всеми его разрушительными последствиями, возник, когда магическое мировоззрение Бруно и Ди, Луллия и Фладда было под-

⁷ См. H. Corbin, *Avicenna and the Visionary Recital* (New York, 1960), а также S. H. Nasr, *An Introduction to Islamic Cosmological Doctrines* (Cambridge, 1964).

⁸ См. Frances Yates, *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition* (London, 1964), а также A. Versluis, *The Ash Wednesday Supper*.

чинено логическому, категориальному аристотелизму последующих поколений.

После магов Возрождения и герметических философов пришли поэты-романтики, которые, хотя по большей части и не были прямыми сторонниками герметического мировоззрения в том же смысле, что Пико и Бруно, тем не менее были погружены во многие его аспекты и продолжили многое из его понимания, его космологии. У Вордсворта мы видим отголоски одухотворенной Природы, повторяющиеся ритмы земли, исчезающие перед пресыщенной, двумерной индустриальной эпохой: у Вордсворта и у Колриджа мы видим ностальгию по миру, в котором они больше не могли жить. «Пантеизм» Вордсворта, знамения и сновидческие видения Колриджа, как в «Кубла-хане», титаны и мифологические создания Блейка и Шелли, символика таро у Нерваля и его путешествие в Египет, алхимическая и герметическая символика Новалиса⁹, «спирали» Йейтса — этот список поистине огромен. Рембо, Бодлер, Виктор Гюго — все они стремились, как недвусмысленно сказал Рембо, восстановить алхимию в слове, создать новую магию при помощи поэзии, поскольку старая магия столь очевидно исчезла. Притягательность всех этих поэтов заключалась не только в их литературном мастерстве, но также — и, возможно, даже более — в их последовательных попытках вновь вернуть герметическое мировоззрение, неотъемлемой частью которого являются магия и алхимия.

Получается, что поэты эпохи романтизма стоят как бы на полпути между двумя мирами: позади них лежит единое традиционное царство, представленное герметическими учениями, впереди же простирается современная эпоха, чью глубинную «цель» также может олицетворять маг — но в этом случае вместо того, чтобы

⁹ См. 'Selections from *Pollen and Fragments*,' Novalis, A. Versluis, trs., в *Te-nenos*, Kathleen Raine (ed.) (London, 1986).

объединять миры, каждый стремится быть единственным творцом, единственным управителем, узурпировать функцию божественного, а не выполнять ее, и потому он в конце концов неизбежно окажется перед лицом распада. В этом заключается немалая доля того очарования, которое романтики представляют для нас: в них мы можем видеть традиционное прошлое, в котором человек *осуществляет* божественное, и в них же просматривается будущее, в котором он стремится *быть* божественным, причем последнее является обратной версией первого, которую вполне можно назвать «сатанинской». В этом различии мы также можем заметить разницу между формами магии, которые обычно обозначают как «белую» и «черную»: в первой мы можем видеть традиционное прошлое; во второй — кульминацию современной эпохи в своего рода историческом континууме.

Следовательно, чтобы понять природу и место магии в традиционной культуре, следует прежде всего отказаться от множества современных предубеждений относительно нее, не в последнюю очередь — от искусственного разделения, с одной стороны, «ортодоксальной религии» и, с другой, «магии и алхимии», ибо в той мере, в какой каждое из них рассматривается отдельно от традиционной духовной дисциплины, они могут быть справедливо охарактеризованы как зло — то есть как способствующие заикленности на самом себе. Без понимания первого невозможно по-настоящему понять второе, и наоборот — и именно по этой причине мы уделяем время традиционному пониманию магии и алхимии, а также устранению заблуждений.

Одно из таких заблуждений состоит в том, что магия подразумевает веру. Конечно, в каком-то смысле это так, поскольку без веры в действенность чего-либо человек не стал бы этим заниматься, но в то же время абсурдно полагать, что поразительные сходства между всеми

традиционными культурами возникли случайно и что магия и алхимия сохранялись в них просто благодаря вере, которая, как отмечал Платон в «Государстве», есть не что иное, как низшая форма знания, основанная на обыкновенных догадках, предположениях и мнениях. Поэтому ясно, что за магией и алхимией должны стоять универсальные законы или принципы — если бы их не было, объединять различные явления под этими терминами оказалось бы невозможно! Таким образом, магия в своей изначальной традиционной форме непременно должна быть формой знания, событий, происходящих в соответствии с данными причинами или совпадениями.

Но в то же время она может рассматриваться как феномен, который время от времени появляется перед человеком, который находится на традиционном духовном пути, как своего рода побочный продукт, и поэтому в итоге можно сказать, что аналогично тому, как все традиционные дисциплины могут служить отражением и способом передачи духовного преобразования — подобно, скажем, ткачеству или чайной церемонии, — так же может и магия, с той оговоркой, что магия занимает промежуточное положение, являясь своего рода замершей формой духовного развития, более озабоченного эффектами, нежели преобразованием самого себя. Это промежуточное положение объясняет большую часть путаницы, которая окружает магию, но магия является — и должна рассматриваться — как одна из многих традиционных дисциплин.

Говоря в общем, традиционная дисциплина — это та, в которой человек появляется на свет; это функция в обществе, которую он исполняет, одновременно осуществляя свою божественную природу: ежедневный труд и духовная практика образуют единое гармоничное целое. Именно это — традиционную культуру, которая вращается подобно планетам вокруг Солнца, — описывал Платон в своем «Государстве», хотя к тому времени в Греции та-

кая культура уже почти исчезла, а ныне ее почти не осталось и во всем мире.

Так, например, в эскимосской традиции выбора не существует: человек просто обнаруживает, что *является* шаманом (*anutquq*): это, так сказать, его функция.

Рассматривая традиционную природу магии как дисциплины, как функции, мы можем понять, почему Плотин — чьи взгляды внешне казались столь схожими с гностическими — чувствовал необходимость осудить христиан-гностиков в своем знаменитом трактате¹⁰. Гностики, говорил он, не видят в человеке часть величественной ткани бытия, а ставят его превыше всего. Для них магия заключается в принуждении и манипуляциях с природой и небесными существами, тогда как на самом деле магия действует лишь через божественное сродство и гармонию — традиционное герметическое учение. Следовательно, согласно Плотину, гностики стремились возвыситься над всем сущим — тогда как в традиционном мировоззрении, частью которого является магия, все сущее возвышается через магию.

В этом споре мы можем увидеть истинное место магии в традиционной культуре — не как эгоистического средства достижения власти, но как посредницы, гармонизирующей силу внутри культуры, действуя через *симпатию* во всех смыслах этого слова. Маг в рамках традиции выступает как гармонизатор видимого и невидимого, как таковой занимая место между сугубо «религиозной» сферой мудреца или святого и культурой и миром в целом. Возможно, именно магия, более чем какая-либо другая дисциплина, является *функцией* внутри культуры, помогая разрешать споры, гармонизировать климат и всячески стабилизировать различные царства.

¹⁰ См. «Против гностиков» Плотина (в «Эннеадах»).

И в этом свете мы можем увидеть разрешение разделения на «ортодоксию» и «магию», ибо подобно тому, как в индивидуальной сфере «магические» феномены или «чудеса» происходят как естественный результат духовного восхождения или преображения, действуя во имя высшего блага, так и в чистой культуре из ортодоксии возникает мудрец, который действует, чтобы сохранить свое учение, в то время как маг, так сказать, транслирует благость божественной гармонии, которую он открыл. Здесь мы также можем увидеть смысл апокрифических сказаний, в которых сам поиск оснований — как в поисках неопитом меча, который убьет всех его врагов, или в практике черной магии Миларепой — работает на преображение искателя, так что тот, кто ищет магический меч, обнаруживает, что в конце концов он преобразился в святого и не может использовать меч во зло, даже если и обретает его¹¹.

Итак, мы видим, что в сердце магии лежит духовное преображение, реализация ума, как и в сердце ортодоксии: магия — это не столько средство достижения цели, сколько средство для более высоких средств. Магия существует в каждой культуре мира — и, кроме того, она поразительно едина, несмотря на разнообразие культур — потому что она является отражением вечных принципов и как таковая должна существовать до тех пор, пока существуют сами культуры. Вопреки утверждениям таких психологов, как Юнг, восточная мудрость и магия не могут быть «изъяты из метафизики и помещены в психологический опыт»¹², ибо суть традиционной религии и магии заключается как раз в постижении того, что находится за пределами и выше обычной физической или

¹¹ Cp. Lama Govinda, *Foundations of Tibetan Mysticism* (London, 1960).

¹² R. Wilhelm and C. G. Jung, *The Secret of the Golden Flower* (New York, 1931). Обсуждение юнгианской инверсии традиционной метафизики см. в Titus Burckhardt, *Alchemy: Science of the Cosmos, Science of the Soul* (London, 1967).

психологической области. Вовлечь традиционную метафизику в царство эго и физического означает лишить ее всякой силы и ценности, по сути, заставив ее утверждать то, что она должна отрицать: конечное существование иллюзорного эго.

Следовательно, в традиционной культуре магия также демонстрирует иллюзорную природу феноменального мира: именно мы несем ответственность за сон, который проживаем. Как писал Чжуан-цзы: «Мне приснилось, что я — бабочка. Когда я проснулся, я не был уверен, был ли я человеком, которому приснилось, что он — бабочка, или же бабочкой, которой теперь снится, что она — человек»¹³. А в исламской традиции существует история о встрече философа Ибн Сины и великого суфийского мудреца Абу Саида. Рассказывают, что Абу Саид спросил Ибн Сину (Авиценну), стремится ли тяжелое тело к земле. «Да», — сказал Ибн Сина. Абу Саид взял тяжелую вазу и подбросил ее в воздух, где она и осталась, не двигаясь. «Почему она не падает?» — спросил Абу Саид. «Ей препятствует насильственная сила», — ответил Ибн Сина. «Что это за насильственная сила?» — спросил Абу Саид. «Твоя душа!» — сказал Ибн Сина. «Тогда очисти свою душу, чтобы ты мог сделать то же самое», — сказал Абу Саид¹⁴. Эта история содержит эзотерический смысл, поскольку в традиционной символике ваза характеризует человеческое тело, которое привязано к земным вещам, но она также иллюстрирует, почему подобные феномены появляются в традиционной культуре: чтобы заставить человека возводить все сущее к Божественному, в котором все возникает, все утихает и все является отражением.

В гностическом трактате под названием «Рассуждения о восьмерке и девятке» Отец Гермес Трисмегист

¹³ Chuang Tsu, *Inner Writings*, B. Watson, trs. (New York, 1964).

¹⁴ Muhammad Tunikabuni, *Oisas al-'ulama*, в S. H. Nasr, *An Introduction to Islamic Cosmological Doctrines* (Cambridge, 1964), p. 194.

ведет своего Сына из седьмой сферы, последней из бранных областей, представленных семью планетами, которые также отмечают эзотерические ступени в алхимическом — то есть духовном — преображении, в восьмую и девятую сферы небесной Реальности. Когда они восходят, они приближаются к тому, что не поддается описанию, и он восклицает: «Как мне рассказать тебе обо Всем! Я [...] Я вижу Нус [Ум], который движет душу. Тот, который будит меня от божественного забвения. Ты даешь мне силу. Я вижу тебя. Я хочу говорить. Страх удерживает меня. Я нашел исток силы, который выше всех сил, у которого нет начала. Я вижу фонтан, пузырящийся жизнью. Я сказал, о мой сын: "Я — Нус". Я видел. Слово не может выразить, что я видел. Вся восьмеричность, о мой сын, и души, которые в ней, и ангелы поют гимн в тишине. Но я, Нус, я постигаю»¹⁵.

Именно пониманием этого должно начинаться (и заканчиваться) изучение магии.

¹⁵ *Discourse on the Eighth and Ninth*, Codex VI, 58, Nag Hammadi Library (New York, 1977), p. 295. (Пер. А. Ровнера. — Прим. ред.)